

Эпизод \[8й]//// **УЧЁБА И БУДНИ**

•>> **Новичок**

•>> **Первый раз на тренажёре ТЛ-29**

14 сентября 1971 г. (вторник)
разница?

— *Важно-неважно... неважно-важно... Какая*
Льюис КЭРРОЛ, «Алиса в стране чудес»

Вторая пара была физо. После спортзала возвращаемся в казарму, чтобы спортивное оставить, в умывальнике быстренько слегка обмыться от пота и взять конспекты на следующую пару.

На курсе тишина и покой, никого нет, кроме внутненнего наряда и курсовых офицеров в канцелярии, которые, судя по вскриками из-за двери, режутся там в шахматы. А в коридоре у стенда с электрифицированной кабиной Л-29 стоит высокий, приятной наружности боец, в ношеном, но старательно выстиранном и отутюженном солдатском обмундировании, с начищенными до блеска кирзовыми сапогами. Видно, что парень тщательно следит за своим внешним видом. Он указкой «угадывает» название приборов и переключателей. При верном ответе сверху загорается красная лампочка. По-видимому, кабина ему известна, ибо лампочка правильного ответа загорается всё время.

Юрий Белобородько не удержался и решил подколоть солдата. Проходя мимо, он громко вопрошает:

— Что? Ищем знакомое и то, что никогда не пригодится? — и мелкотравчато залился своим басовитым смехом.

Он в солдате, видимо, быстрее нас угадал бывшего курсанта.

И в этом вопросе мне почудилось столько превосходства! Ты – солдат, а я – курсант! Я буду лётчиком, а ты – никогда!

Это было превосходство из тех, которое утверждается за счёт унижения другого. Зачем он его подковырнул? Не знаю, как этого парня, а меня передёрнуло!

Но боец в ответ проговорил:

— Почему, «не пригодится»? — и, не оборачиваясь, продолжил работать указкой.

Ему было всё равно, кто и что о нём подумает!

Мы прошли чуть глубже по коридору к своему спальному помещению.

Я не удержался и спросил у Бороды:

— Слышишь, зачем ты его так? Некрасиво же вышло!

Белобородько в ответ делано рассмеялся:

— Оно ему нужно? Стоит, солдафон, тычет указкой в кабину! Изучает! Тоже мне, лётчик нашёлся!

<<>><<□>><>>>

— *Знаешь, сколько стоит его время? Тысяча фунтов одна минута!* Льюис КЭРРОЛ, «Алиса в стране чудес»

...Сегодня пришли первый раз на тренажёр ТЛ-29. Руководил занятиями подполковник Котлов. Если вы помните, он у нас ведёт авиационное оборудование. На тренажёре нам предстояло отработать запуск двигателя и «газовку» самолёта.

Что представляет собой тренажёр лётчика ТЛ-29? В основном зале стоит настоящая кабина Л-29. Панели приборов, ручка управления, педали, кнопки – всё настоящее. Только некоторые приборы не анероидно-мембранные, как на самолёте, а электрические все, они показывают те параметры, которые, в зависимости от режима «полёта», выдаёт им вычислительная машина. Перед кабиной экран 2 на 2,5 м, на котором видна взлётно-посадочная полоса (или линия горизонта – после взлёта и до захода на посадку). Позади кабины – место инструктора с ручкой управления самолёта, которая жёстко связана с такой же ручкой в передней кабине, чтобы можно было курсанта учить, и такими же приборами. Нет только стоп-крана и кнопок запуска и управления закрылками. Слева от инструктора – вертикально расположенный планшет, по которому грифель автоматически чертит фактический путь и местоположение самолёта. Справа – несколько пультов с множеством выключателей и лампочек, они задают параметры «полёта» ЭВМ. Можно, например, задать встречный, попутный или боковой ветер на посадке (и «самолёт» будет вести себя соответственно); нижний край облачности; плохую видимость (т.е. ВПП появится перед глазами пилота только за столько километров, какая видимость на посадке была задана инструктором). Можно даже имитировать ночной полёт!

Сама вычислительная машина размещена в правой комнате. Там же расположены столы, за которыми курсантам можно заниматься в ожидании своей очереди на «полёт» на тренажёре. А в левой комнате стоит макет подстилающей поверхности земли: взлётно-посадочная полоса с расчерченными бетонными плитами, маленькими призмами и огнями ВПП, приклеенные аэродромные домики и фигурно обрезанные зелёные мочалки, изображающие лесные массивы. Реки и дороги тоже нарисованы масляной краской. Как и ВПП. На кронштейне прикреплена телевизионная камера. Когда самолёт взлетает (или заходит на посадку), то камера движется вдоль ВПП, в зависимости от того, как действует органами управления лётчик. Это изображение и проецируется на экран перед учлётом, сидящем в передней кабине.

Техник тренажёра сообщил нам, что тренажёр стоит в 8-10 раз дороже самого самолёта.

Дорогостоящая игрушка!

Каждый курсант садился в кабину, запускал двигатель (из динамиков слышался шум работающего двигателя), потом полностью отработывал «газовку», с прогревом двигателя и проверкой гидросистемы самолёта.

Подполковник Котлов сидел в кресле инструктора и контролировал наши действия. Если надо было, он подсказывал нам по СПУ.

Я устроил всё так, чтобы в отделении сесть в кабину последним. И после того, как проверил гидросистему и отгазовал двигатель, попытался убедить Котлова разрешить мне взлететь на ТЛе! И мне это почти удалось. Он уже почитай склонился к моему предложению. Но в самый последний момент Николай Васильевич передумал. Наверное, побоялся, что уронит свой авторитет, если он не сможет помочь мне зайти на посадку. Ведь Котлов – инженер, а не лётчик, сам никогда не летал! И вряд ли он смог бы зайти на посадку даже на тренажёре – не так-то это просто!

Но всё равно, сегодняшнее занятие было очень интересным!

Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какую-либо другою, более на судьбу похожую птицею? Козьма ПРУТКОВ

После занятий, при построении в казарме на обед тот самый солдат, которого днём у стенда с кабиной Элки пытался унизить Борода, уже стоял перед нашим строем в курсантских погонах, в новеньком курсантском тоже отглаженном обмундировании и начищенных до блеска новых яловых сапогах.

Его нам представили. Курсант Журавлин Владимир. Поступил в училище на год раньше нас. Отчислен со второго курса в прошлом году по дисциплине (пьянка). Служил солдатом. Писал письма во все инстанции с просьбой восстановить в училище. Дал слово на Совете училища, что недисциплинированности, как-то: самоволок и пьянок больше не допустит. Ведь восстановиться в лётное училище (тем более, после пьянок) не так-то просто! По распоряжению командующего ВА Журавлин восстановлен на втором курсе. Приказом по училищу Володя теперь будет учиться в нашем классном отделении. Как потом оказалось, немаловажную помощь ему оказал в возобновлении учёбы дядя Журавлина, который служит начальником связи училища.

<<•• [Кстати, надо отметить, что постоянная опрятность в форме одежды, аккуратность, подтянутость, всегда плотно прилаженный ремень, подчёркивающий стройность фигуры этого курсанта, неизменно до блеска начищенные сапоги – всё это были отличительные черты Володи Журавлина. Я в этом даже старался походить на него!] ••>>

На построении, между прочим, я украдкой взглянул на Белобородько. Он, мне кажется, биноклярным зрением уловил мой взгляд. Ибо в ту минуту слегка покраснел – его превосходство оказалось мимолётным. <<>><<>>

— Простите, а как вас зовут?

— Марфа Васильевна я!..

— Кушайте, кушайте, Маргарита Васильна, всё оплачено! Из худ. к/ф-ма «Иван Васильевич меняет профессию»

<<>>

— Откушайте, барин!

— Как называется?

— Оладушки! Из худ. к/ф-ма «Формула любви»

Ужин. За нашим столиком, как всегда, накрытым чистенькой аккуратной белой скатерью, четверо. Все уже знакомы моим читателям. Это: Геша Новошилов, Юрий Белобородько, Витька Мамонов и я, ваш покорный слуга и негласный летописец нашего курса. Наш столик стоит в самом углу, у стенки, отделяющий наш обеденный зал от зала, где едят четверокурсники. Но в ряду первый от кухни. Поэтому всегда обслуживание начинается от нас.

Между прочим, это тоже неписаная традиция лётного училища: после принятия присяги курсанты, даже первокурсники, пищу принимают в лётной столовой за столиками, накрытыми белыми скатертями, по четыре человека и их обслуживают официантки. В других военных училищах нелётного профиля курсанты сидят не на стульях, а на длинных скамьях, как в солдатских столовых, за длинными же столами, покрытыми пластиком, от которых всегда отдаёт хлоркой, и по 10 человек. Там их всех без официанток обслуживают рабочие по кухне-первокурсники. Мы принимаем пищу из фарфоровых тарелок (а не из металлических мисок), десерт пьём из стаканов (а не из эмалированных кружек), едим ложками и вилками из нержавеющей стали (а не алюминиевыми – как всё это принято везде в солдатских столовых и у курсантов прочих военных ВУЗов).

С первого курса такими, с позволения сказать, «мелочами» здесь подчёркивается: в лётном училище готовят элиту Вооружённых Сил – военных лётчиков!..

На каждом столе всё уже накрыто к ужину. В одном углу стоят стаканы в подстаканниках, в другом – в серебристых колечках накрахмаленные белые салфеточки. Их можно расстелить себе на колени. Но потом обязательно опять сложить и заправить в кольцо. Салфетки меняются каждую неделю, скатерти – раз в месяц. Посредине хлебница, в которой аккуратно на чистую салфетку уложен нарезанный чёрный и белый хлеб. Если хлеба кому-то не хватит, официантка принесёт ещё, белый или чёрный – что попросишь. Рядом – сахарница. В сахарнице: утром 9 толстых квадратиков сахара, вечером 11. Чтобы сахар не крошить, мы с самого начала договорились: утром я пью чай с тремя кусочками (остальные с двумя), а вечером мои товарищи кладут в стаканы по три квадратика сахара, а я себе – два. На отдельной тарелке выложены порционные кубики масла, а сегодня там ещё и сыр. (Отчего-то сыр на этот раз был не утром, как всегда, а его дали к ужину. И булочки сего дня накрыли вечером, а не за завтраком.) У каждого места на специальных подставках – вилка и чайная ложечка. Нож, правда, кладётся

один на стол. Гарнир и котлеты в подливке (мясо, называемое гуляшом, лангеты и пр.) развозят официантки на тележках. (Не знаю почему, но котлеты здесь получаются удивительно невкусные!) Чай в больших дутых чайниках тоже подают к концу ужина, чтобы, значит, не остыл. Один чайник полагается на три стола. Впрочем, чай тоже можно пить, сколько захочешь, но уже без сахара. Иногда утром вместо чая готовят кофе с молоком.

Я прошу принести мне котлету без подливы и официантка мухой улетучивается на кухню и, жжуха, приносит котлетку с маслом. На жужжание внимания не обращаю.

На гарнир сегодня рассыпчатый рис. Иногда бывает пшонка, перловка (которые я не ем с детства), гречневая или манная каши, но чаще всего картофель-пюре. По курсантской норме выбора блюд нет. Выбор будет, когда мы начнём летать и нас переведут на реактивную норму. Вместе с тем, после окончания лётной практики нас уже не вернут на курсантскую норму довольствия (мы с ней распрощаемся навсегда), а поставят на лётную норму, которая отличается от реактивной только тем, что ежедневно дают не два куриных яйца, а одно, нет 100 гр. натурального сока, стакана консервированного фруктового компота (в дополнение к обычному из сухофруктов за обедом), чуть меньше сливочного масла и сахара и в довольствие не входит шоколад (15 гр. в день). Однако усиленное питание, приготовление пищи без комбижира, кружок полукопчёной колбаски, а за завтраком творожок со сметанкой и стакан кефира (молока) остаются. Но в лётной норме тоже гарнир и мясное можно будет себе выбирать.

— Да, кстати! Капустянский и Боженков от начальника училища [за мордобой Байдакову] получили по 15 суток [ареста]! — проговорил в конце трапезы Генка Новошилов, который только что явился из внутреннего наряда и поэтому мог знать все подробности лучше нас. — Теперь всё зависит от командования: передать ли дело в военный трибунал или ограничиться дисциплинарным взысканием (одно из них, как высшая мера – исключение из училища).

— И правильно! — проговорил я. — Так и надо поступать со всеми размандьями!

— Просто у тебя никогда не случались таких обстоятельств, поэтому ты так говоришь! Опыта не было!..

— Опыта, опыта! — вспылил я, думая, что Генка опять заведёт старую песню о «молодёжи, которая совершенно не знает жизни!» — Ген, кто тебе виноват, что ты не смог поступить в училище сразу после школы, а пошёл работать?

Новошилов закусил свою нижнюю, мясистую губу, он не ждал от меня такой прыти. Помешал ложечкой в своём стакане чай.

— А я про это и не говорю! — помолчав, проговорил он. Затем поднимает на меня свои глаза: — Я про то, что тебе просто не приходилось сталкиваться с такими положениями... Вот у тебя же бывает такое состояние, что сейчас хочется подойти к человеку и дать ему в морду?

— Не бывает! — подумав, отрезал я. — Хотя...

— Ну, вот! Так же и у них!

— Ну, знаешь! У Капустянского и Боженкова было три часа после отбоя, чтобы успокоиться. А в два ночи я никогда не стал бы будить человека, чтобы начистить ему клюв!.. И никакие обстоятельства не заставят меня это сделать!..

— Так у тебя не было! — поддержал Генку Витёк Мамонов. — А у других было!

— Подумаешь, из-за девчонки, наверное!

— Какая девчонка! Ты же ничего не знаешь! Капустянский учится, как и я, по нелётному профилю, на штурмана. А, как тебе известно, штурманам не разрешили прыгать с парашютом вместе с вами! Так? Байдаков – спортсмен-разрядник по парашютному спорту, прыгал до училища много, вошёл в доверие к начальнику ПДС училища. Вот Капустянский подошёл к нему и попросил, чтобы тот устроил так, чтобы он выполнил парашютный прыжок вместо Байдакова. А Байдаков его послал на х*й...

Я помолчал, переваривая полученную информацию. Намазал кубик масла на разрез булочки и вложил между половинок тонкую пластинку сыра. И перед тем, как откусить кусочек бутерброда, решительно заявил:

— Тем более, в этой ситуации, правильно сделал, что послал Капустянского! После случаев с Алимовым [который решил сделать незапланированный парашютный прыжок], и Черноусовым [учится на штурмана, а прыжок – несанкционированно – выполнил], начальнику ПДС ХВВАУЛ майору Кручинину, моему однофамильцу, дали по шапке, Алимов и Черноусов за свои «подвиги» отсидели на «губе» и начальник ПДС теперь строго за всем следит. Ты знаешь, как перед посадкой в самолёт, уже с парашютами сейчас всех проверяют! Он что, Байдакова, «который вошёл к нему в доверие», в лицо не знает? Ты хочешь, чтобы на гауптвахту вместе с Капустянским загудел и Байдаков? Это, по-твоему, было бы справедливо? А таких, как Капустянский, надо гнать в шею [из училища]! Он же псих настоящий! Заводится с полуслова! Чуть что не так, сразу в крик и бьёт в торец! Видите ли, он боксом занимался! Такие молодые клетки, а уже нервные!

— Так я его вовсе не защищаю! Но обвиняю его только за то, что он, чтобы дать кому-то по морде, позвал товарища на помощь!

— Гена! Всё равно! Поднимать ночью парня и бить ему рожу за то, что тот не дал кому-то прыгать с парашютом вместо себя – это глупость и преступление! Чего ты на меня смотришь? Преступление! А если бы у Капустянского оба парашюта не раскрылись и он погиб? Да знаю: это маловероятно – чтобы и основной и запасной не раскрылись! Но давай представим такую гипотетическую ситуацию! Там должен быть Байдаков из четвёртого взвода, а погиб Капустянский из первого, которого и в помине нет в плановой таблице на прыжки, утверждённой замначальника ХВВАУЛ, и который прыгать не имел права – он даже наземную парашютно-десантную подготовку не проходил! Кто под трибунал пойдёт? Начальник ПДС училища майор Кручинин и курсант Байдаков! Оно им надо?

— Да ничего такого случиться не должно! — стоял на своём Генка. — Чтобы сразу два парашюта не раскрылись! А парню [то бишь, Капустянскому] хотелось прыгнуть, попробовать!

— Ему хочется «попробовать», а поскольку никто не идёт навстречу его желаниям, поэтому надо бить всех по морде! Занятно!

— Не всех! Нечего людей на х*й посылать!

— А если Капустянский не понимает отказа по-другому?

Спор продолжался. Наши мнения расходились. Каждый защищал свою точку зрения, а они у нас оказались разными.

Я его понимаю: Геше обидно, что он не учится по лётному профилю и что ему не разрешили прыгать с парашютом!

Но Генка, когда не может отстоять свою точку зрения, вернее, перетащить на неё оппонента, начинает кипятиться и переходит на оскорбления.

Вот и сейчас, Новошилов встал из-за стола, швырнул свой стул (в смысле – с

Зарницы памяти. Эп. 8. Учёба и будни. Новичок

Автор: Юрий Фёдоров

грохотом и рывком задвинул на своё место), обозвал меня балбесом и вышел на улицу.

Так ужин и закончился.

Как всегда, с нашими спорами пожрать спокойно нельзя!

И я влез в спор! На кой хрен оно мне надо было? Это что, что-то решает?

Quidquid praesentis, esto brevis!
<> Спартанцы! Готовьте завтрак и наедаетесь! А ужин нас ждёт в аду!!! Из америк. худ. к/ф-ма «300 спартанцев»

<<><><><>>

<>

— Мне нравится быть тут, с тобой. Ты единственная, кого ненавидят больше, чем меня.

Из америк. худ. к/ф-ма «Декстер»

<<><><><>>

<>

— Гомер, надо что-то делать! Сегодня он пьёт человеческую кровь, а завтра он начнёт курить!

Из америк. худ. к/ф-ма «Симпсоны»

<<><><><>>

<>

Летит самолёт с парашютистами. Командир борта говорит штурману:

□□□□ — Штурман, пошёл бы ты, парашютистов подбодрил!

□□□□ Штурман выходит в салон и говорит:

□□□□ — Ну что, попрыгунчики! Лямки яйца не жмут?

□□□□ Открывает бортовую дверь, ссыт в небо, стряхивает последние капли мочи туда же, закрывает дверь и говорит поучительно:

□□□□ — С небом надо на «Ты»!!

□□□□ Затем поворачивается к обомлевшим парашютистам, на их глазах прячет член в ширинку, застёгивает её и уходит в кабину.

□□□□ Командир:

□□□□ — Ну что? Взбодрил?

□□□□ — ДА!!!

□□□□ — Ну и хорошо! А то девки в первый раз прыгают! Из авиабаек

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки **ЛУЧШИЙ и **ХУДШИЙ****

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ Quidquid praesepies, esto brevis (*лат.*) – Чему бы ты ни учил, будь краток. (Заповедь Горация.)